

темы посмертного или прижизненного прославления — с другой, стоят произведения поэтов-силлабистов конца XVII—начала XVIII в. (Симеона Полоцкого и его продолжателей, анонимных авторов панегириков петровского времени), а также Феофана Прокоповича.

«Приветства» Симеона Полоцкого царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, его же «Глас последний ко господу богу царя Алексея Михайловича», включающий и всенародный плач по умершем царе, «Эпитафий» Симеону Полоцкому Сильвестра Медведева и его же плачи по царе Федоре Алексеевiche, «стихи» похвальные царевне Софии Алексеевне Кариона Истомина формально уже ближе к гражданской лирике XVIII в. Самый жанр их показывает, что выражение гражданских настроений теперь сосредоточивается в специально этой задаче служащих произведениях, перестает быть темой лишь отдельных эпизодов, врывающихся в различные по жанру сочинения, что мы наблюдали в течение всего предшествующего периода. Наконец, и стихотворная форма сближает писателей конца XVII в. с поэтами-классицистами. Однако лишь с очень большой натяжкой можно назвать перечисленные произведения XVII в. «гражданской лирикой»: герои, которым посвящены эти произведения, были мало значительными историческими деятелями, и в похвалах им, как и в скорбных сетованиях после их смерти, слышен голос не столько патриота-гражданина, сколько человека, потерявшего своего покровителя. И как бы ни были искусно построены эти произведения придворной поэзии конца XVII в., не они в исторической перспективе представляются нам подлинными предшественниками высоко гражданской поэзии XVIII в., хотя самый жанр стихотворной гражданской лирики классицизма ближе к виршевым «приветствиям» и «плачам», чем лирические монологи, панегирики и плачи древнерусских писателей. Конечно, и древнерусские панегиристы создавали иногда похвалы, материала для которых историческая действительность не давала, и в таких случаях пользовались готовыми формулами, слагая риторические славословия, лишенные общественного звучания. Но в своей ведущей, передовой части эмоционально выраженные древнерусскими писателями оценки деятельности исторических героев и крупных исторических событий были проникнуты сознанием их большого общегосударственного значения, гражданские настроения авторов совпадали с народным восприятием вызвавших их явлений.

Особое место занимают сочинения Феофана Прокоповича, рисующие портрет Петра I, пропаганде деятельности которого посвящены обширные «слова» этого горячего сторонника всей внешней и внутренней политики Петра. Феофан Прокопович снова, как русские писатели XI—начала XVII вв., свои гражданские чувства, вызванные делами Петра I, и свою скорбь о смерти его облекает не в стихотворные, самостоятельно посвященные выражению этих чувств сочинения; он включает особо эмоционально насыщенные эпизоды в общую ткань «слов», разъясняющих смысл тех событий, которые явились поводом для публицистических выступлений Феофана.

Самый яркий образец этой в прозе изложенной гражданской лирики Феофана Прокоповича представляет его «Слово на погребение» Петра Великого. Здесь всенародная скорбь объясняется величайшими заслугами его перед Россией, и образ «отечества своего отца» (погребаемого Петра) стоит рядом с образом России, которую он «зделал добрым любимою, любима и будет; зделал врагом страшную, страшна и будет; зделал на весь мир славную, славна и быть не перестанет». В сущности, все это «слово», необычно для Феофана Прокоповича краткое, звучит как скорбная лирика патриота-гражданина, оплакивающего «многоименитого мужа»,